

Review Российский инвестиционный форум Сочи 2018

Мечтает ли цифровой бизнес о региональных законах

Цифровая экономика в регионах России выглядит существенно отличающейся от «федеральной» как минимум одним параметром — бизнес в этом секторе может оставаться в «цифровой тени» еще достаточно долго. Программа Российского инвестиционного форума в части цифровой экономики во многом учитывает этот факт, как и то, что по ряду причин полностью независимое от властей развитие «цифровой тени», видимо, невозможно — проблема образования специалистов для этого сектора в любом случае остается за регионами.

— новая экономика —

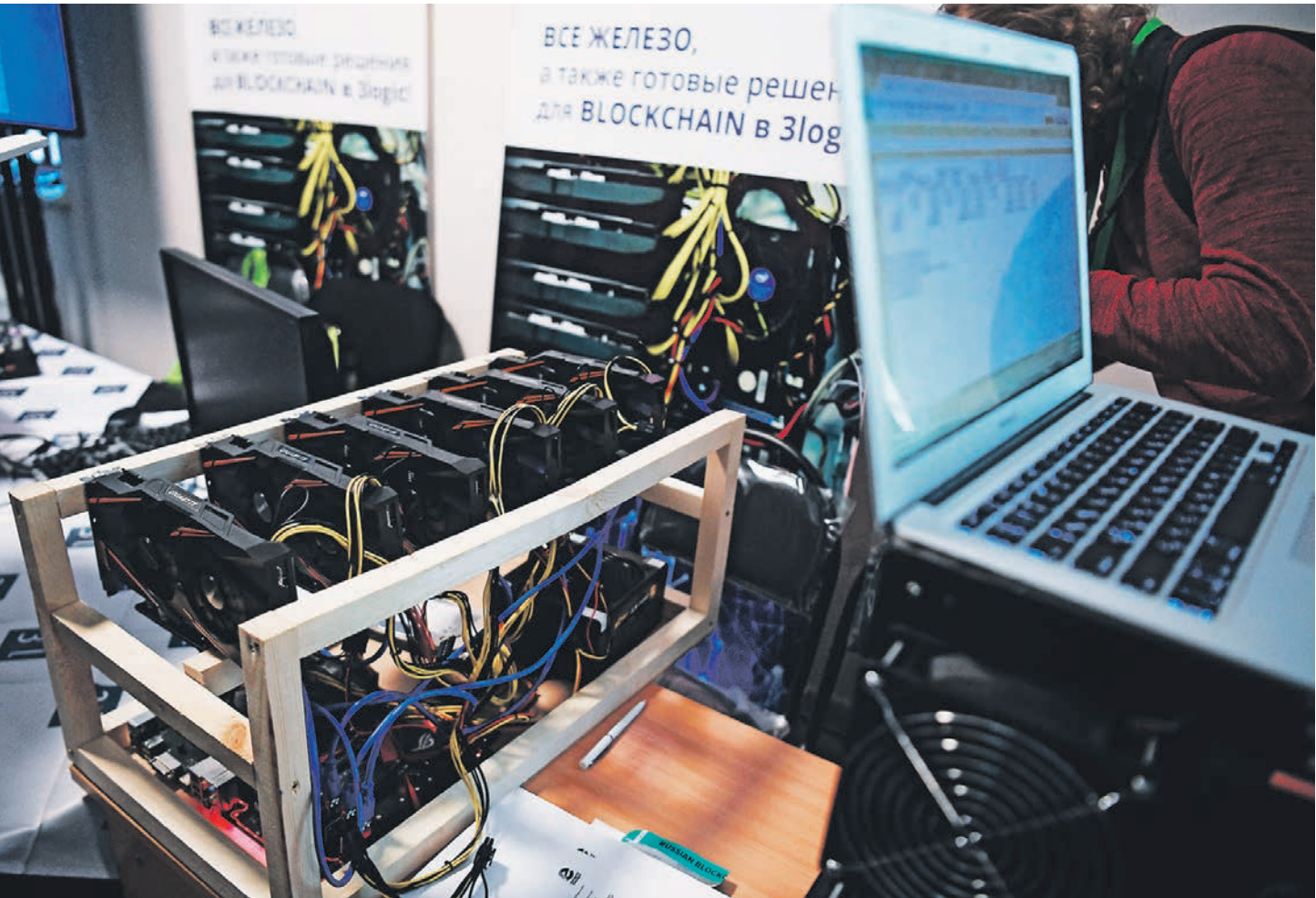
Мероприятия первого дня Российского инвестиционного форума в Сочи — а это, согласно программе, День молодежного предпринимательства — своим разнообразием наводят на мысль, что организаторы пытаются максимально широким охватом покрыть область, государственную политику в которой только предстоит сформулировать, а затем еще и убедить рынок в том, что это рабочая повестка, с которой можно и нужно иметь дело. Цифровая экономика за последние два года стала обычной темой повестки для федеральных форумов «Росконгресса», и сочетание «молодежной» и «цифровой» тематики также не ново, тем более что еще несколько «цифровых» мероприятий проходит 15–16 февраля. Однако в случае с форумом в Сочи происходящее достаточно необычно: проблема цифровой экономики в регионах выглядит иначе, чем на федеральном уровне, и Российский инвестиционный форум должен, видимо, стать чем-то вроде «экспериментальной площадки», цель которой выяснить, как эту и без этого довольно специальную тему обсуждать на региональном уровне так, чтобы это не было потерей времени.

Если федеральная бизнес-повестка в России — в частности, запуск правительством программы «Цифровая экономика» и вовлечение в участие в ней крупнейших бизнес-структур, уже работающих в самых современных отраслях бизнеса, — выглядит достаточно адекватной сложившейся ситуации (кратко — правительство фактически согласилось на допуск технологических гигантов к формированию будущего госрегулирования), то в программе регионального форума зафиксирован весь перечень проблем взаимоотношений бизнеса и властей. Судя по всему, он хорошо осознается, но не слишком удачно артикулируется: до сих пор этот «цифровой» и современный бизнес второго эшелона либо не имеет представления о том, что государство знает о нем и готово как-то решать его проблемы, либо целенаправленно уклоняется от государственного участия в его делах. Причем даже не столько по налоговым соображениям или избе-

гая проверочной активности — сама природа «цифровой экономики» во всем мире дает достаточно и возможностей, и искушений строить ее в частном порядке вне сфер государственного регулирования.

Поэтому программа Сочи-2018 в этом плане действительно широка, и, видимо, оправданно широка: наряду с традиционным уже обсуждением правовых аспектов использования криптовалют организаторы готовы говорить о вызовах и возможностях для молодежи в цифровой экономике, современном бизнесе на селе и инвестициях в открытия молодежи, представлять разнообразные мастер-классы и образовательные проекты и даже нетворкинги и коворкинги для «завязывания перспективных знакомств» и связей. Цель этого разнообразия — найти точки, где чиновники могут оказаться необходимы основателям стартапов и не крупных, но технологичных бизнесов, и продемонстрировать, что государству и потенциальным инвесторам (как частным, так и квазигосударственным) есть что им предложить. Если говорить еще проще — что рано или поздно люди, которые занимаются майнингом биткойна, скупая видеокарты и размещающая серверные на заброшенных промышленных мощностях или используя для этого корпоративные сервера тайно от руководства (судя по всему, это им удастся — инциденты с майнингом на производственных вычислительных мощностях от Сбербанка до «Росатома», сообщения о которых появились в январе—феврале 2018 года, видимо, являются лишь вершиной айсберга, и этот айсберг явно не один — новая «цифровая экономика» отнюдь не исчерпывается этой темой, скорее сейчас это лишь «горячая точка»), столкнутся с проблемами, которые должны и могут решать власти.

Де-факто, в Сочи готовы говорить о многом. О том, что меняющаяся структура рынка труда усилит отток квалифицированной молодежи из России и его нужно будет восполнять, вовлекая молодых людей в технопарки и центры инновационного творчества или предоставляя им уже «обязанные» необходимой физической и финансовый инфраструктурой государственные коворкин-

В регионах уже развивается своя цифровая экономика, которую еще предстоит вписать в местный ландшафт

центры с «пакетным» обеспечением господдержкой. О том, что интеллектуальная собственность может потребовать защиты, как и права собственников, заработавших на новых рынках. О том, что некоторые не крупные бизнесы когда-нибудь дорастут до размеров, при которых нужно будет покидать локальные рынки ради международных, и им потребуются образовательные программы типа Школы экспорта РЭЦ, мастер-классы по решению логистических задач. И даже кажущиеся несколько старомодными в эпоху стопроцентного проникновения интернета идеи о необходимости знакомить молодых предпринимателей с более опытными коллегами могут служить образовательной цели — формированию общей системы знаний, необходимой бизнесу.

Тем не менее по крайней мере пока «цифровая экономика», более или менее (в перспективе) уловимая на федеральном уровне на расстоянии одного шага, в регионах в основном расположена по отношению к региональной власти в трех-четыре шагах, и это делает малый и даже средний бизнес в этой сфере даже при наличии «физических»

выходов на обычные рынки (например, в интернет-ритейле) способным оставаться как бы не существующим для регионов. По крайней мере в течение нескольких лет этот статус-кво будет сохраняться даже в том случае, если все пойдет по «жесткому» сценарию, в котором «цифровизация» малого и среднего бизнеса в неформальном секторе будет предметом специальных разысканий государства на региональном уровне («мягкий» сценарий сейчас активно предлагается на федеральном уровне в виде федеральных цифровых торговых платформ, более или менее прозрачных для ФНС). Тем не менее, как бы ни развивались события, держаться на безопасном расстоянии от власти такой бизнес долго не сможет — по причинам, связанным с рынком труда.

Собственно, вопрос об образовании и воспроизводстве кадров в цифровой экономике на Российском инвестиционном форуме активно обсуждается — правда, в основном на уровне университетов и специалистов в образовании, то есть во многом теоретически, во всяком случае, если судить об этом со стороны «цифровой тени». Уже сейчас главный ограничивающий фактор для развития региональной цифровой экономики на поверхности. И даже два фактора. Первый: низ-

кий уровень безработицы и продолжающееся увеличение населения крупных городов оттягивают квалифицированный персонал или по крайней мере перспективных претендентов на получение квалификации из регионов в Москву, Санкт-Петербург, Красноярск, тогда как востребованность в них в менее развитых регионах растет. Разумеется, сама по себе цифровая экономика имеет новые характеристики для мобильности персонала — она достаточно часто свободна в размещении «производственных мощностей» в регионах, но это не отменяет большого тренда на продолжение «большой урбанизации» России: в миллионниках более конкурентен рынок, и способа исправить это по крайней мере сейчас нет. Второй фактор — цифровая экономика требует других параметров образования, в том числе непрерывного.

Последнее — это именно то, что рано или поздно будет подталкивать региональную «цифровую тень» в сторону региональных властей. В силу и культурных причин, и устройства экономики образование — сектор, в котором государство, в том числе в регионах, имеет заведомо сильные позиции, и подготовки «цифровых специалистов» для новой экономики ждут именно от него.

Олег Сапожков, Дмитрий Бутрин

Чистка старого серебра

— предпринимательство —

По мере роста числа пожилых в мире правительства различных стран задаются вопросом о том, как мобилизовать экономическую активность этой группы населения. В России доля пожилых уже сейчас составляет около 40% населения и будет расти на 400–500 тыс. ежегодно. В ходе Инвестиционного форума в Сочи экономисты и социологи обсудят, есть ли у россиян в возрасте 50+ потенциал для предпринимательской активности.

С экономическими сложностями из-за старения населения в ближайшие 20–30 лет столкнутся все без исключения страны «первого мира». Согласно прогнозу ООН, в ближайшие 20 лет будет происходить особенно быстрый рост глобальной численности лиц пенсионного возраста — их число удвоится, увеличившись почти на 600 млн, и превысит миллиард человек. Еще большими темпами возрастет число лиц старше 80 лет, к 2050 году их станет вчетверо больше. По сравнению же с, например, 1950 годом их численность к 2075 году возрастет почти в 50 раз.

Стремительный рост числа пенсионеров будет сопровождаться ускоряющимся сокращением численности лиц активного трудоспособного возраста, и уже через 20 лет численность первых должна превысить численность последних. Такой дисбаланс создаст спрос на дополнительную рабочую силу, а ее нехватка заставит искать пути активизации трудоспособности старшего поколения. На рынок труда начнут активнее привлекать инвалидов — за счет новых технических средств. Также можно предполагать развитие трудосберегающих технологий (в частности, робототехники), расширяющих возможности по уходу за пожилыми людьми.

В России сейчас доля людей старшего возраста (больше 65 лет) составляет 23,5% — это около 30 млн человек. Из-за демографических изменений, приведших к увеличению продолжительности жизни, как ранее пояснял российский Минздрав, за десятилетие она выросла на 3% — с 20,5% в 2006 году. Чи-

Предпринимательская инициатива очень многое видевших людей уже рассматривается как важный ресурс развития экономики в России

сло пожилых россиян зависит от региона: на востоке страны их доля меньше (22,5%), на западе — выше (24,5% и более).

Хотя наиболее значительный вклад в общую смертность приходится именно на пожилых людей (в 2006 году он составлял 67,3%, в 2011м — 71,4%, а в 2014 году — уже 73,2%), в целом их здоровье улучшается. Такие данные ранее обнаруживали аналитики лабораторий экономических исследований общественного сектора Высшей школы экономики. За последние 19 лет доля пожи-

лых людей, оценивающих свое здоровье как плохое и очень плохое, сократилась с 40% до 30%.

Улучшение здоровья пожилых россиян является одной из причин роста их занятости — в ранних пенсионных возрастах (женщины 55–59 лет и мужчины 60–64 лет) меньше чем за 20 лет она выросла в полтора раза. Лишь у мужчин в возрастной группе 65+ уровень занятости не меняется (около 11–12%). Динамика отвечает международным тенденциям — по данным Международной организации труда (МОТ), с начала 2000-х рост занятости пожилых людей зафиксирован в наиболее развитых странах. Но РФ, как Великобритания и Канада, все еще находится в груп-

пе с невысоким уровнем трудовой активности пожилого населения — около 8% для всей группы старше 65 лет.

Причины относительно невысокой занятости пожилых в РФ обусловлены в том числе и низким возрастом выхода на пенсию (55 лет для женщин и 60 — для мужчин). Однако какое-то время после достижения пенсионного возраста сейчас продолжают работать около 32% россиян. Из тех, кто оставил работу после выхода на пенсию, 40% назвали причиной здоровья, а 20% — увольнение. Впрочем, в ближайшее время росту занятости пожилых будет способствовать еще один фактор — сокращение экономически активного населения. Только с 2008 по 2012 год его число снизилось на 800 тыс. человек.

Сейчас пожилые (люди от 60 до 64 лет) в два раза чаще заняты на предприятиях машиностроения, металлургии, энергетики, приборостроения, в компаниях по производству продуктов и непродуктовых товаров). Среди 60–64-летних работников больше дипломированных специалистов в области образования, здравоохранения, строительства и сельского хозяйства. Отметим, что пожилые и молодые работники не являются конкурентами на рынке труда, так как последние чаще работают в сфере торговли, финансов и ИТ. Поэтому возможное увеличение пенсионного возраста и, как следствие, рост занятости пожилых не повысят уровень безработицы молодежи и не ограничат возможности для ее трудоустройства.

Среди всех работающих пенсионеров в последние годы выросли доли тех, кто трудится в бюджетном секторе. Чаще всего это сфера образования, здравоохранения, науки, ЖКХ, военно-промышленный комплекс. Но при этом нередко пожилые люди работают либо без трудовых гарантий, либо на низкоквалифицированных должностях. Доля самозанятых пенсионеров в России минимальна — 2–3% от общего количества таких работников.

В то же время возможным препятствием для большего вовлечения пожилых в трудовую активность может быть эйджизм — наличие у работодателей устоявшихся предрассудков по отношению к таким работникам. Та-

кое объяснение положению работников предложили эксперты Высшей школы экономики в своем исследовании, посвященном дискриминации пожилых. Так, сейчас сотрудники старшего возраста могут сталкиваться с дискриминацией в заработной плате. В развитых странах пик заработков приходится в основном на 45–59 лет, в то время как в РФ максимальную зарплату получают в 25–44 года, а у работников после 45 лет она в среднем ниже. Из-за дискриминации мужчины в этом возрасте зарабатывают на 15% меньше, чем представители более молодой группы (35–44 года). Женщин дискриминация настигает только с 55 лет, с достижением пенсионного возраста, и сокращает их заработки по сравнению с более молодыми коллегами на 16%. В самых старших возрастных группах по той же причине мужчины получают еще на 22% меньше (55–64 года), а женщины — на 20% (65–74 года). Для сравнения: в США аналогичные потери составляют только 2,5%.

Финансовая дискриминация в отношении пожилых подпитывается традиционными представлениями о них среди работодателей, которые, впрочем, не имеют научного подтверждения. Так, эксперты Высшей школы экономики утверждают, что, например, продуктивность сотрудников, выполняющих одинаковую работу, не связана с их возрастом. Молодые могут чаще отсутствовать на рабочих местах, нарушать технику безопасности, допускать аварии и увольняться по собственному желанию. Опровергается и мнение о том, что человек «в годах» плох здоровьем и не способен к обучению. «Пожилые работники сегодня более образованы — количество не имеющих среднего образования уменьшилось вдвое, а получивших среднее, среднее специальное или высшее практически в два раза выросло — и отличаться лучшим здоровьем, чем пожилые люди 20 лет назад», — замечают авторы исследования. Однако спокойной трудовой жизни у представителей «третьего возраста» по-прежнему нет. Результаты исследования показали, что за 1995–2013 годы занятость пенсионеров возросла только в госсекторе, на предприятиях со сравнительно низкими зар-

платами (в сфере образования, здравоохранения, науки, ВПК). Работать же в частных фирмах в этот период удавалось немногим, и они оказались особенно уязвимы для урезания зарплаты «по старости».

Отметим, что возникновение такой сильной связи зарплат и возраста сотрудника также обусловлено тем, что российские работодатели имеют больше возможностей для изменения зарплат, чем их зарубежные коллеги. На большинстве российских предприятий фиксированная часть оплаты труда, определенная трудовым соглашением, составляет у среднего российского работника не более 65%, а 35–40% — так называемая переменная часть, которую работодатель выплачивает на дополнительных условиях. Такая схема оплаты труда позволяет компаниям относительно легко изменять свои расходы, и поэтому для оптимизации издержек они прибегают именно к этому методу, а не к увольнению сотрудников. Последнее, будучи главным способом регуляции рынка труда в развитых странах, в России сильно затруднено как юридическими, так и неформальными запретами.

Таким образом, нынешнее положение пожилых работников на рынке труда РФ дает надежду на их инициативу в предпринимательской сфере в будущем. Если уровень их здоровья продолжит повышаться в то время, как предрассудки работодателей по-прежнему будут определять их зарплату, многим из них станет интересна самозанятость. Однако помимо трендов на рынке труда предпринимательский потенциал пожилых будет также определять уровень их финансовой и компьютерной грамотности. Последняя, впрочем, за последние десять лет выросла в несколько раз, особенно среди тех пенсионеров, кто проживает с родственниками — активными пользователями интернета. Что касается финансовых знаний, то в этой сфере, как и у большинства остальных россиян, уровень осведомленности пожилых является достаточно низким. Чтобы его поднять, правительству необходимо разработать для российских пенсионеров специальные образовательные практики.

Анастасия Мануйлова